

Глава 26. Сяо Юньлоу. Взаимные угрозы

Синь Синь не знал, сколько времени его держали связанным. Он даже мысленно пытался обратиться к тем трём текстовым строкам.

В конце концов, он сюда тоже пришёл выполнять задание — уж могли бы хотя бы намекнуть, что время задания вот-вот истечёт?

Однако те три строки так и оставались тремя строками — ни звука в ответ.

Физическая усталость и напряжение тянули его в разные стороны. Синь Синь не мог отдохнуть и не смел дышать.

Держись. Не паникуй. Ты ведь ещё жив.

Если бы рот ему не заткнули, Синь Синь хотя бы криво усмехнулся бы, чтобы подбодрить себя.

Так что он мог только про себя напевать.

Сначала что-нибудь бодрящее!

Вставай...

Но едва он начал про себя тянуть мелодию, за дверью послышались шаги.

Синь Синь: «...»

Ну всё, вставать не придётся.

Шаги были очень тихими. Тихими — как его жизнь, к которой медленно, но уверенно подбиралась смерть.

Все его попытки сохранять самообладание улетучились, словно ветром сдуло. Если бы его не скрутили в тугую «косичку» и конечности не затекли до полной потери чувствительности, он бы уже трясся так, что пол ходуном пошёл бы.

Не бояться смерти — это удел героев. А он — не герой. Он обычный человек, до сих пор так и не понимающий, почему вообще вляпался в это странное задание.

Шаги становились всё ближе. И остановились прямо перед ним.

Хотя перед глазами была сплошная тьма, Синь Синь ясно ощущал, что кто-то стоит перед ним и разглядывает его.

Он ждал, затаив дыхание. Даже если он считал, что в ближайшую секунду с ним ничего не сделают, оставаться полностью спокойным он не мог. А вдруг убийца не играет по правилам, и нож опустится уже через мгновение?

Он ничего не знал. Он мог лишь молча ждать, как ягнёнок перед забоем, стараясь выглядеть как можно более смиренным и безобидным.

Незнакомец задержался ненадолго — меньше минуты. Синь Синь считал секунды. И вот тот развернулся и вышел. Шаги такие же лёгкие и ровные, как при входе.

Синь Синь украдкой выдохнул. Грудная клетка резко вздымалась — давление, которое принёс с собой тот человек, буквально лишило его возможности нормально дышать.

Ни слова. Ни малейшего лишнего движения. Будто в глазах этого человека он — такой же предмет, как унитаз в туалете, не стоящий никакого внимания.

Настоящий профессионал. Опасный противник.

Синь Синь пытался прикинуть, кто в этом «второстепенном мире» мог бы подходить под такой образ.

Цао Чжэнь? Но она же хромала, а этот человек двигался совершенно свободно.

Тогда кто?

Ли Хуэйцзюань, Ши Тай, Линь Цяо, Кун Мань... или вообще какой-нибудь случайный прохожий, на которого он даже не подумал взглянуть?

Страх быть убитым накладывался на тревогу из-за того, что время задания почти вышло. И смерть страшна. И задание провалить страшно.

Синь Синь заставил себя успокоиться.

Такой человек просто так заходить не станет. И тем более у него не было нужды специально приходить, чтобы запугать — Синь Синь и так был связан до полной беспомощности, даже словом себя защитить не мог, не то что «главгеройским красноречием».

У этого человека была причина прийти сюда.

И вдруг нервы Синь Синя вздрогнули, словно натянутая струна.

Он понял, зачем тот заходил.

Хэ Синьчуань...

Только не ведись!

*

Получив звонок с незнакомого номера, Хэ Синьчуань стоял у ворот жилого комплекса Юньфу и курил.

- Хочешь, чтобы твой друг остался жив, — сегодня в семь вечера принеси фотографию. Место я сообщу отдельно.

Не дав Хэ Синьчуаню ни секунды на ответ, абонент сразу отключился.

Хэ Синьчуань отнял телефон от уха, собираясь перезвонить, но в этот момент пришла ММС.

Взгляд его мгновенно стал тяжёлым.

К ММС была прикреплена фотография.

Вокруг — сплошная тьма; похоже, отправитель специально снял так, чтобы нельзя было определить место, направив объектив только на лицо человека.

Лицо Цяо Вэньгуана было мертвенно-бледным. Его лицо размером с ладонь было разделено на три части, глаза и рот завязаны чёрной тканью, зубы впивались в ткань, губы были сухими. Выглядел он очень плохо.

Хэ Синьчуань закрыл сообщения и попытался перезвонить, но номер уже был отключён.

Собеседник использовал модулятор голоса, так что невозможно было определить ни пол, ни

возраст звонившего.

Хэ Синьчуань затушил сигарету, развернулся и зашёл в лапшичную. Заказал большую порцию лапши с большой отбивной. Горячая, обдающая паром лапша и бульон давались с трудом – каждый глоток обжигал горло.

Он съел всё до последней крошки, аж рубашка на спине промокла от пота

Ночевал он вчера в гостинице, так что выспался как следует, а теперь и пустой желудок, голодавший сутки, наконец был наполнен.

Хэ Синьчуань вытер рот бумажной салфеткой, вышел, встал в тени дерева и закурил ещё одну сигарету.

Судя по звонку, похититель Цяо Вэньгуана должен быть связан с теми тремя делами — если не убийца, то хотя бы его сообщник.

Он глубоко затянулся, снова достал телефон и хорошенько всмотрелся в фотографию.

Снимок был очень тёмным, но по тому, как ложился свет на лицо, можно было определить, что сделан, скорее всего, днём. Возможно, совсем недавно.

Кроме измученного лица Цяо Вэньгуана, на фото не было ни единой зацепки. И именно это было самой плохой новостью, ибо означало, что человек действует профессионально и предельно осторожно.

Хэ Синьчуань выдохнул струю дыма, продолжая смотреть на снимок.

*

- До свидания, ребятки.

У ворот детского сада Цао Чжэнь помахала рукой, её лицо озаряла тёплая, нежная улыбка.

- Наконец-то проводили.

Рядом стоящая воспитательница шумно выдохнула, плечи расслабились, и она, поморщившись, потёрла ухо:

- Устала до смерти. Голова гудит, как после взрыва.

Цао Чжэнь всё так же улыбаясь, промолчала. Развернулась и присела на корточки, собирая разбросанные игрушки.

- Эй, — коллега подошла помогать, — ты завтра и правда подменяешь учителя Шэнь? Ты же три дня подряд работала, не устала?

Цао Чжэнь подняла с пола комок мягкой глины и стала аккуратно отделять слипшиеся разноцветные кусочки:

- У учителя Шэнь дома дела. Я её подменю на день, а потом она выручит меня.

Коллега кивнула, выстраивая в ряд перевёрнутые стульчики:

- Ты такая хорошая. Я тобой восхищаюсь. Я бы на твоём месте уже давно уволилась — всё равно эти копейки погоды не делают.

Пальцы Цао Чжэнь на мгновение застыли. Она подняла голову, спокойно взглянула на спину коллеги и тихо произнесла:

- Дома можно и с ума сойти.

- Значит, не сиди дома. Путешествуй, езди куда-нибудь, смотри мир — так намного веселее.

Коллега выпрямилась, сжала руку в кулак, постукивая ею по пояснице, затем повернулась, лукаво приподняв бровь:

- Кстати, о том, кого тебе посоветовал учитель Чжоу... как он тебе?

Цао Чжэнь опустила глаза и продолжила убирать:

- Нормальный.

- Ты только поосторожнее, смотри в оба. Сейчас полно тех, у кого мысли нечистые.

Цао Чжэнь едва заметно улыбнулась:

- Спасибо. Буду.

Коллега взяла сумку и ушла. А Цао Чжэнь осталась. В пустом кабинете она сидела одна, держала в руках чашку тёплой воды и смотрела в окно на тяжёлые, по-летнему поникшие

зелёные листья.

Минуты текли. Вода в чашке постепенно остывала. Телефон, лежащий экраном вниз, слегка завибрировал. Цао Чжэнь подняла его и ответила на звонок.

- Да. Уже закончила. Ещё в садике. Сегодня у меня дела. Завтра подменяю коллегу. Хорошо, тогда в другой раз.

Когда она только устраивалась на эту работу, ей уже пытались кого-нибудь подсунуть: либо разведенных, либо и вовсе вдовцов, все намного старше ее.

А этот — почти ровесник, средние условия, внешность тоже ничего.

Воистину, и у мужчин, и у женщин достойные люди появляются рядом только тогда, когда есть деньги.

Цао Чжэнь протянула руку, пытаясь поймать тонкий луч закатного солнца, пробившийся через окно, и наслаждаясь теплом, прищурилась.

Прямо как летом, когда даже закат ласкает лицо теплом.

В половину шестого вечера Цао Чжэнь покинула стены детского сада. Охранник уже привык к ее поздним уходам - учительница Цао нередко задерживалась. Она говорила, что ей по душе здешняя атмосфера - простая, ясная, как детский смех. Он молча кивнул ей, и она ответила тем же.

Солнце медленно опускалось, унося с собой дневной зной. Под деревьями воздух был прохладным, и легкий ветерок время от времени приносил облегчение.

Цао Чжэнь ступала неторопливо, словно вдыхая последние лучи уходящего дня. Быстрее ей было не по силам - малейшее ускорение отзывалось болью в ногах, искажая ее некогда грациозную походку.

Пройдя через зелёные насаждения и оказавшись на рынке, Цао Чжэнь остановилась на секунду — в лицо ударил резкий смешанный запах. Она подошла к ближайшему прилавку с морепродуктами. Замороженная рыба уже немного оттаяла, и запах стоял такой сильный, что кружило голову. Цао Чжэнь перебирала сложенные друг на друга туши морского ремня*; хозяин прилавка уверял, что всё свежее, всё хорошее, прямо с лодки. Цао Чжэнь улыбнулась и спросила, правда ли, что для жарки нельзя брать слишком жирную рыбу.

* 鲑 (dàiyú) — это сайра, или, точнее, ремнезуб (в русской кулинарной и разговорной практике чаще называют «морской ремень» или просто «сайра», хотя биологически это не совсем одно и то же.

В кармане вновь завибрировал телефон. Цао Чжэнь отдернула руку, кончиками пальцев пошевелила воду в стоящем рядом лотке и чистой рукой достала мобильный.

Номер не был сохранён, но ей он был знаком.

- Алло.

Цао Чжэнь с невозмутимым выражением выслушала собеседника.

- А ты как думаешь?

Она указала пальцем на одну из рыб, показывая продавцу, что берёт именно эту.

- Тогда так и сделаем.

Закончив разговор, Цао Чжэнь взяла у продавца рыбу и углубилась в рынок. Там она купила креветок, курицу и немного зелени. Обе руки были заняты тяжёлыми пакетами.

В шесть часов вечера она подошла к дому №136, поднялась наверх и зашла в квартиру.

Хэ Синьчуань ждал в тени ещё две минуты. В квартире зажегся свет.

Сигаретный дым рассеивался в темноте. Его взгляд упал на металлические решётки на окнах первого этажа: старый жилой комплекс, ржавые решётки, а кроме ворот по периметру вообще нет камер. Самое подходящее место для убийства — даже слишком.

Запив минералкой, купленный сухой хлеб, Хэ Синьчуань доел всё до крошки. Голод он почти не чувствовал, но есть было необходимо.

В 18:20 небо окончательно потемнело. Хэ Синьчуань следил за силуэтом Цао Чжэнь внутри квартиры.

В 18:30 его телефон завибрировал.

Он достал его — снова незнакомый номер. Хэ Синьчуань ответил.

- Даю тебе полчаса, немедленно...

- Я уже под домом №136.

Без колебаний перебил он звонившего.

Внезапно, словно чья-то рука перехватила его, голос на другом конце затих

Хэ Синьчуань достал сигарету, и щёлкнул зажигалкой.

- Я тоже даю тебе полчаса. Отпусти его. Если через полчаса я его не увижу — пеняй на себя.

В трубке повисла тишина. Дыхание оставалось ровным. Затем послышался короткий смешок:

- Пенять на себя?

Получив нужную реакцию, Хэ Синьчуань тут же прервал звонок. Дым от сигареты поднимался вверх. Он вышел из тени и открыто встал перед домом №136 — балкон квартиры 101 смотрел прямо на двор.

Большинство фонарей во дворе не работало. В густой тьме особенно выделялось оранжевое тлеющее пятнышко сигареты в его зубах — даже стоя в гостиной за стеклом балкона, его было видно.

Цао Чжэнь стояла в гостиной. Не подходя ближе, она набрала номер, с которого ей звонили днём.

- Он под моими окнами.

Собеседник что-то сказал и Цао Чжэнь тихо рассмеялась:

- Доведёшь до предела — и хороший человек может стать плохим. Ты думаешь, он не сделает? А я вот не уверена.

- Не важно. Не вмешивайся. — сказала она. — Я сама справлюсь.

Цао Чжэнь развернулась и направилась на кухню. Сегодняшний улов был обилен, и приготовление всего по порядку требовало времени. Ремень уже ждал, заранее замаринованный. Она обваляла рыбу в тонком слое муки, затем подготовила масло. В тот миг, когда рыба коснулась раскалённой поверхности, по кухне разнёсся звонкий «чи-ла» и разлетелись брызги, обжигая тыльную сторону ладони. Лицо Цао Чжэнь осталось невозмутимым. Она знала с детства: чтобы готовить по-настоящему вкусно, нужно вкладывать труд.

Когда стол был накрыт, а кухня приведена в порядок, было уже почти семь. Цао Чжэнь прошла

в ванную — она не любила садиться за стол, провоняв маслом.

Платье соскользнуло, и под струями воды проступило худое женское тело. Странная деформация левой ноги, в месте сочленения бедра и голени, была лишь прелюдией к куда более жуткому зрелищу: огромному светло-буроватому рубцу, что обезобразивал спину.

Цао Чжэнь вгляделась в отражение. Такой, обнажённой, её не видел никто, кроме неё самой. В этом была и безопасность, и одиночество.

Когда снова завибрировал телефон, стрелка на часах показала ровно семь.

Звонил всё тот же номер.

Телефон настойчиво дрожал в её ладони, не желая останавливаться.

Хэ Синьчуань, зажав сигарету в зубах, ждал. Телефон вибрировал уже минуту, когда на экране сменился входящий вызов. Он нажал кнопку выключения. Экран погас. Он вынул изо рта недокуренную сигарету, раздавил её носком обуви и шагнул в подъезд.

<http://bllate.org/book/12899/1324494>